

Холмы здесь невысокие, но леса глубокие и густо заросли деревьями. Он оседлал лошадь одной рукой и поскакал галопом по горной дороге, обогнув несколько холмов и войдя в горный поток, слабо опираясь на спину Линь Цинъю, Ин Цзю прошептал: "Янь Эта дорога проходит через этот горный лес. Там есть небольшой город. Оттуда наймите машину, чтобы поехать в Вэйчжоу, где есть магазины Линцзя..."

Голос позади него был прерывистым, и от его содержания Линь Цинъю испугался еще больше. Он повернул голову и позвал: "Ин Цзю!"

Левая рука Ин Цзю обхватила ее талию, вложила в ее руку поводья, взяла ее за руку и сказала: "Если ты прождешь три дня в Вэйчжоу и никого не увидишь, то захочешь переправиться через Желтую реку..."

Щедрая ладонь, которая всегда была теплой, сейчас была холодной как лед, а жидкость, которая начала впитываться в ее спину, заставила ее почувствовать себя взволнованной. Она неосознанно сжала его руку, и Линь Цинъю снова позвал: "Девять?"

Рука Ин Цзю вырвалась из ее ладони, на ее щеке отпечатался нежный поцелуй, а слабый голос прошептал ей на ухо: "Цзю не может сопровождать тебя... прости..." голос Перед тем, как упасть, лошадь рванулась вперед от боли, а сзади вдруг стало пусто. Линь Цинъю в шоке повернул голову и увидел сломанную стрелу, застрявшую в ягодицах лошади. Он мчался через горный колос, и за ним не было и тени девяти.

Линь Цинъю сильно потянул за поводья, лошадь взвыла от боли, потом еще сильнее напряглась и вдруг взбесилась, ткнулась **** землю и радостно побежала прочь.

У Линь Цинъю не было времени преследовать лошадь, поэтому он поднялся с земли и побежал обратно, пересек горный колос и увидел неподвижную фигуру возле скалы. Линг Цинъю только почувствовал, как сжалось его сердце, вскрикнул и прыгнул на нее.

С дерева она выглядела не очень хорошо. Позже, когда она прыгнула с дерева, она всецело сосредоточилась на человеке в белой одежде.

В это время она увидела дюжину сломанных стрел, застрявших у него за спиной, а две дырки от стрел на спине зияли. Кровотечение.

"Девять..." Линь Цинъю осторожно поднял свое тело, и Линь Цинъю позвал дрожащим голосом.

Тело было заключено в теплые объятия, Ин Цзю тяжело открыл глаза, увидев в тусклом зрении красные глаза, мягко улыбнулся и сказал: "Иди..."

"Я возьму тебя вместе, девять, пойдем вместе!"

"Девять... этого не будет..." Ин Цзю внезапно закашлялся, и кровь хлынула из его рта.

Линь Цинъю убрал руку, закрывавшую рану на животе, и размотал случайную повязку. Увидев, что рана от кинжала была наклонена вниз, подумав о положении вставленного меча, он вдруг понял, что белая рубашка Человеческий меч тоже наносит косой удар вверх. Это положение, это положение, точно проникает в печень и доли легких.

Линь Цинъю крепко обнял его, лишь почувствовав общую боль в сердце. Этот ребенок, с тех пор как сам стал брать себе еду и воду, слушался ее, какой бы капризной или неразумной она

ни была, даже Неважно, насколько неразумным был приказ, он был принят без возражений. Столько лет, наблюдая, как он растет от мальчика до такого выдающегося мужчины, но сегодня, неужели он окончательно потеряет его?

"Господин..." Ин Цзю поднял левую руку, погладил ее по щеке, посмотрел, как она подавила плач и слезы потекли, но радостно улыбнулся и сказал: "Мне нравится Цзю...?".

"Нравится..." Линь Цинъюй кивнул. После стольких лет, он уже существовал как его собственная плоть и кровь, как он мог не понравиться.

Ин Цзю улыбнулась еще сильнее. Сильно кашлянув, она склонила голову на плечо, и через мгновение, задыхаясь, Ин Цзю прерывисто сказала: "В следующей жизни, Цзю, все равно будешь ты, охранник, хорошо?".

"Хорошо!" Линь Цинъюй кивнул и сказал: "В следующей жизни я буду защищать тебя, чтобы ты могла спокойно расти и перестать так сильно страдать".

Ин Цзю мягко покачала головой, ее глаза были полны нежности, а черты лица смягчились. Даже уголки ее глаз и брови улыбались и говорили: "Цзю очень счастлив", Ин Цзю обнял ее левой рукой. Положив руку на грудь, он сказал: "Итак, в следующей жизни, пусть Цзю защитит тебя...".

Его голос становился все ниже и ниже, а биение сердца под его ладонью все медленнее и медленнее. Линь Цинъюй только почувствовал, как его сердце дернулось. Он улыбнулся уголками губ, и наконец сказал, голос был легким и слабым, и тут же был унесен ветром, исчезнув в воздухе.

Янь Ци последовал за большим человеком впереди и обошел армию Шэньву. Генерал охраны увидел поясную карту в руке большого человека и приказал солдатам открыть маленькую дверь. В то же время он сказал: "Тигр Цзецзюнь скоро придет. Им нужно переодеться".

Большой человек ответил, и, выводя людей из городских ворот, он бросил ношу на своего коня Янь Ци и остальным, сказав: "Вы поедете на восток и прибудете в Ланькао. Там у генерала есть лодка. Вы можете прямо При переправе через реку кто-нибудь откликнется".

Янь Ци взял ношу и сказал: "У нас еще есть люди на западе. Нам нужно встретиться, прежде чем мы сможем уехать".

Большой человек замер на мгновение и сказал: "Вы собираетесь в Наньпу? Там есть лагерь железной кавалерии. Они с нами не очень-то церемонятся. Вы должны сделать обходной маневр, обойти Туншу, это наш жетон, только Чжао Чжао Никто не посмеет остановить вас из охраны генерала."

Янь Ци склонил руки и сказал: "Спасибо!".

"Легко сказать!" Большой человек огляделся вокруг. Среди группы черных-черных людей было трудно понять, кто был тем человеком, ради спасения которого его генерал приложил столько усилий. Увидев, что Янь Ци и другие переоделись и уже далеко. Увидев пламя, он сказал: "Тигры здесь, вы можете идти от Туншу, там пока никого не должно быть".

На поле уже видно, что сюда вливаются плотные войска. Место, откуда их отправил большой

человек, находится над восточными воротами, а место, где Ин Цзю и остальные сошли на берег, отделено большой зоной гвардейцев. Янь Ци нахмурилась и посмотрела назад. Люди, державшие кулак за здоровяка, вели их с востока к Туншу.

Если Чжуанцзы на юго-западе не может идти, то обойти и встретиться в Вэйчжоу. Это была предварительная встреча с Инцзю, но там, где они сошли на берег, было так много офицеров и солдат, что рука Яньци накрыла теплый нефрит на ее груди. Я почувствовала боль в сердце.

За один день два человека, которые были так близки, прервали свое дыхание в объятиях, и Линь Цинъюй только чувствовал, что его сердце онемело от боли, и даже слезы не могли вытечь наружу.

Сложив ношу на груди, Линь Цинъюй положил в рот Ин Цзю кусочек ледяного нефрита, а затем с силой понес его тело вверх. Тело Ин Цзю было намного выше ее. Как только она потеряет жизнь, ее крепкое тело станет мертвым. Он был мертв, упираясь бедрами, Линь Цинъюй сказал на ходу: "Девять, я отведу тебя в Зал Долголетия. Отныне я буду возить тебя на речной круиз, чтобы ты увидела огни, от которых ночь становится яркой, как день. Посиди на птице, которая может летать в небе, и воспользуйся железным ящиком, который может говорить даже за тысячи миль..."

Лунный свет, словно омывая, освещал горы, а горы и леса волнистые, и звуки далекого боя не доносились из густого леса. На безлюдной тропе раздавался только женский шепот.

На башне Баохуа, опираясь на толстую грудь и теплые объятия, рассказывая ребенку о месте, где она живет, ребенок просто молча слушал, не говоря ни слова, но когда она впала в полусонное состояние, На самом деле, я слышал, что сказал ребенок.

Е Шиси выплыл наполовину из воды, нашел место, где никого не было, вышел на берег, запрыгнул на большое дерево и стал смотреть в сторону города Бяньцзин.

Когда он прибыл в Тяньцзингуань, Гао Лю был встревожен, как муравей на горячем горшке. Линь Цинъюй и его группа, которые смогли переправиться через реку, не пришли. После этого паром на Желтой реке был закрыт. Он не стал ждать, пока другие переправятся первыми. Видя, что армия мобилизуется, люди на перевале Хулао явно собирались ко двору, а на пароме Желтой реки даже паром был затоплен, он переплыл Желтую реку.

Стоя на вершине дерева, кроме огней на стороне парома, все остальное было темным, и я не мог видеть ни Бяньцинина, ни другого движения.

Е Шии положил руку на грудь и стал возиться с серьгами. С той ночи он чувствовал сильные перепады ее настроения, но всякий раз, когда ее настроение менялось, что-то должно было произойти. В сентябре прошлого года он лежал в засаде в пустыне желтого цвета. Когда я был в Шали, я не только чувствовал ее волнение, но и ощущал боль. Когда я встретился с Мэн Су в ноябре, я знал, что тогда она получила судебный жезл, а сегодня это заставило его сердце болеть. Его душевная боль случилась дважды, и последствия второго раза все еще крутятся в его сердце.

Е Шиси закрыл глаза, прижал руку к сердцу и, отпустив все чувства, стал искать направление знакомого дыхания.

Через четверть часа он спрыгнул с большого дерева, и дымчатая тень понеслась в сторону темного места впереди.

Когда он проходил через пустыню между Сипу и Бяньцзином, среди шума Е Шии заметил одно слово.

Возвращаемся в Чэньчжоу, старшего князя нет в городе!

Бушующая армия в пустыне подобна приливу, факелы и холодный свет клинков отражают друг друга, оставляя под лунным светом взволнованные тени.

Его скорость достигла крайнего предела, оставляя дымчатый след в хаотичной армии, прямо на юг Прочь от гор.

Когда небо стало светлым, весь шум остался позади, он летел сквозь густой лес, чувствуя стук сердца, который становился все ближе и ближе, сердцебиение Е Шиси было как барабан, когда он увидел Инцзю, приютившуюся под деревом Когда Лин Цинъюй уснула, она наконец успокоилась.

нашел!

Он осторожно подошел к ним, и чем ближе он подходил, тем большее беспокойство испытывал. Хотя его боевое искусство сейчас выше, чем у Инцзю, он не должен был так близко подходить к Инцзю, не реагируя.

Стоя на коленях и глядя на улыбку на реалистичном лице Ин Цзю, Е Шии почувствовал боль в сердце, а затем повернулся и посмотрел на Лин Цинъюй.

Она прислонилась к плечу Ин Цзю, ее нахмуренные брови были наполнены глубокой печалью, ее колени были изношены, подошвы сапог тоже были искорежены, ладонь Ин Цзю все еще была в крови, а волосы разметались. Он был небрежно завязан за головой, а его одежда была покрыта грязью и царапинами.

Глаза Е Шии были кислыми, а сердце болело. Смерть Ин Цзю не заставит себя долго ждать, иначе как он сможет вынести боль за нее.

Но брат Девять, если ты знаешь, что даже если ты умрешь, она все равно будет нести твой труп. Она точно будет рада умереть снова, верно?

Аккуратно распрямив Лин Цинъюй, Е Шии поднял тело Ин Цзю на спину, привязал его за спиной ремнем, а затем наклонился и поднял Лин Цинъюй.

Взошло утреннее солнце, заливая далекий горизонт великолепным утренним светом. Утреннее солнце окропило лес, создав разноцветный свет, который придал свежие и яркие краски свободно раскинувшемуся жасмину.

Ярко-красное утреннее солнце было похоже на пятна крови, отражаясь от величественных и величественных стен города Бяньцзин, даже с пятнами крови, оно давало ослепительные цвета.

За одну ночь хозяин императорского города Бяньцзин сменился, четыре двери были плотно закрыты, ветер шумел. Я не знаю, сколько людей были в панике весь день, и сколько людей было тихо убито.

Но Е Шии было наплевать на все это. Он просто осторожно обнял человека, привязал труп за

спиной покрепче, а затем спиной к новорожденному восходу солнца пошел в сторону Сянъяна.

Холмы здесь невысокие, но леса глубокие и густые от деревьев. Он оседлал лошадь одной рукой и поскакал галопом по горной дороге, обогнув несколько холмов и войдя в горный поток, слабо опираясь на спину Линь Цинъю, Ин Цзю прошептал: "Янь Эта дорога проходит через этот горный лес. Там есть небольшой город. Оттуда наймите машину, чтобы поехать в Вэйчжоу, где есть магазины Линцзя...".

Голос позади него был прерывистым, и от его содержания Линь Цинъю испугался еще больше. Он повернул голову и позвал: "Ин Цзю!"

Левая рука Ин Цзю обхватила ее талию, вложила в ее руку поводья, взяла ее за руку и сказала: "Если ты прождешь три дня в Вэйчжоу и никого не увидишь, то захочешь переправиться через Желтую реку..."

Щедрая ладонь, которая всегда была теплой, сейчас была холодной как лед, а жидкость, которая начала впитываться в ее спину, заставила ее почувствовать себя взволнованной. Она неосознанно сжала его руку, и Линь Цинъю снова позвал: "Девять?"

Рука Ин Цзю вырвалась из ее ладони, на ее щеке отпечатался нежный поцелуй, а слабый голос прошептал ей на ухо: "Цзю не может сопровождать тебя... прости..." голос Перед тем, как упасть, лошадь рванулась вперед от боли, а сзади вдруг стало пусто. Линь Цинъю в шоке повернул голову и увидел сломанную стрелу, застрявшую в ягодицах лошади. Он мчался через горный колос, и за ним не было и тени девяти.

Линь Цинъю сильно потянул за поводья, лошадь взвыла от боли, потом напряглась, и вдруг взбесилась, повалила **** на землю и радостно побежала прочь.

У Линь Цинъю не было времени преследовать лошадь, поэтому он поднялся с земли и побежал обратно, пересек горный колос и увидел неподвижную фигуру возле скалы. Линг Цинъю только почувствовал, как сжалось его сердце, вскрикнул и прыгнул на нее.

С дерева она выглядела не очень хорошо. Позже, когда она спрыгнула с дерева, она полностью сосредоточилась на человеке в белой одежде. В это время она увидела дюжину сломанных стрел, застрявших у него за спиной, а две дырки от стрел на спине зияли. Кровотечение.

"Девять..." Линь Цинъю осторожно приподняла его тело, и Линь Цинъю позвала дрожащим голосом.

Тело было заключено в теплые объятия, Ин Цзю тяжело открыл глаза, увидев в тусклом зрении красные глаза, мягко улыбнулся и сказал: "Иди..."

"Я возьму тебя вместе, девять, пойдем вместе!"

"Девять... этого не будет..." Ин Цзю внезапно закашлялся, и кровь хлынула из его рта.

Лин Цинъю убрал руку, закрывавшую рану на животе, и размотал случайную повязку. Увидев, что рана от кинжала была наклонена вниз, подумав о положении вставленного меча, он вдруг понял, что белая рубашка Человеческий меч тоже наносит косой удар вверх. Это положение, это положение, точно проникает в печень и доли легких.

Линь Цинъю крепко обнял его, лишь почувствовав общую боль в сердце. Этот ребенок, с тех

пор как сам стал брать себе еду и воду, слушался ее, какой бы капризной или неразумной она ни была, даже Неважно, насколько неразумным был приказ, он был принят без возражений. Столько лет, наблюдая, как он растет от мальчика до такого выдающегося мужчины, но сегодня, неужели он окончательно потеряет его?

"Господин..." Ин Цзю поднял левую руку, погладил ее по щеке, посмотрел, как она подавила плач и слезы потекли, но радостно улыбнулся и сказал: "Мне нравится Цзю...?".

"Как..." Линь Цинъюй кивнул. После стольких лет он уже существовал как его собственная плоть и кровь, как ему могло это не понравиться.

Ин Цзю улыбнулась еще сильнее. Сильно кашлянув, она склонила голову на плечо, и через мгновение, задыхаясь, Ин Цзю прерывисто сказала: "В следующей жизни, Цзю, все равно будешь ты, охранник, хорошо?".

"Хорошо!" Линь Цинъюй кивнул и сказал: "В следующей жизни я буду защищать тебя, чтобы ты могла расти мирно и перестала так сильно страдать".

Ин Цзю мягко покачала головой, ее глаза были полны нежности, а черты лица смягчились. Даже уголки ее глаз и брови улыбались и говорили: "Цзю очень счастлив", Ин Цзю обнял ее левой рукой. Положив руку на грудь, он сказал: "Итак, в следующей жизни, пусть Цзю защитит тебя...".

Его голос становился все ниже и ниже, а биение сердца под его ладонью все медленнее и медленнее. Линь Цинъюй только почувствовал, как его сердце дернулось. Он улыбнулся уголками губ, и наконец сказал, голос был легким и слабым, и тут же был унесен ветром, исчезнув в воздухе.

Янь Ци последовал за большим человеком впереди и обошел армию Шэньву. Генерал охраны увидел поясную карту в руке большого человека и приказал солдатам открыть маленькую дверь. В то же время он сказал: "Тигр Цзецзюнь скоро придет. Им нужно переодеться".

Большой человек ответил, и, выводя людей из городских ворот, он бросил ношу на своего коня Янь Ци и остальным, сказав: "Вы поедете на восток и прибудете в Ланькао. Там у генерала есть лодка. Вы можете прямо При переправе через реку кто-нибудь откликнется".

Янь Ци взял ношу и сказал: "У нас еще есть люди на западе. Нам нужно встретиться, прежде чем мы сможем уехать".

Большой человек замер на мгновение и сказал: "Вы собираетесь в Наньпу? Там есть лагерь железной кавалерии. Они с нами особо не церемонятся.

Вы должны сделать объезд, обойти Туншу, это наш жетон, только Чжао Чжао Никто не посмеет остановить вас из охраны генерала."

Янь Ци склонил руки и сказал: "Спасибо!".

"Легко сказать!" Большой человек огляделся вокруг. Среди группы черных-черных людей было трудно понять, кто был тем человеком, ради спасения которого его генерал приложил столько усилий. Увидев, что Янь Ци и другие переоделись и уже далеко. Увидев пламя, он сказал: "Тигры здесь, вы можете идти от Туншу, там пока никого не должно быть".

На поле уже видно, что туда вливаются плотным строем войска. Место, куда их отправил большой человек, находится над восточными воротами, а место, где Ин Цзю и остальные сошли на берег, как раз отделено большой зоной гвардейцев. Янь Ци нахмурилась и посмотрела назад. Люди, державшие кулак за здоровяка, вели их с востока к Туншу.

Если Чжуанцзы на юго-западе не может идти, то обойти и встретиться в Вэйчжоу. Это была предварительная встреча с Инцзю, но там, где они сошли на берег, было так много офицеров и солдат, что рука Яньци накрыла теплый нефрит на ее груди. Я почувствовала боль в сердце.

За один день два человека, которые были так близки, прервали свое дыхание в объятиях, и Линь Цинъюй только чувствовал, что его сердце онемело от боли, и даже слезы не могли вытечь наружу.

Сложив ношу на груди, Линь Цинъюй положил в рот Ин Цзю кусочек ледяного нефрита, а затем с силой понес его тело вверх. Тело Ин Цзю было намного выше ее. Как только она потеряет жизнь, ее крепкое тело станет мертвым. Он был мертв, упираясь бедрами, Линь Цинъюй сказал на ходу: "Девять, я отведу тебя в Зал Долголетия. Отныне я буду возить тебя на речной круиз, чтобы ты увидела огни, от которых ночь становится яркой, как день. Посиди на птице, которая может летать в небе, и воспользуйся железным ящиком, который может говорить даже за тысячи миль..."

Лунный свет, словно омывая, освещал горы, а горы и леса волнистые, и звуки далекого боя были исключены из густого леса. На пустынной тропе раздавался только женский шепот.

На башне Баохуа, опираясь на толстую грудь и теплые объятия, рассказывая ребенку о месте, где она живет, ребенок просто молча слушал, не говоря ни слова, но когда она впала в полусонное состояние, Вообще-то, я слышал, что сказал ребенок.

Е Шиси выплыл наполовину из воды, нашел место, где никого не было, вышел на берег, запрыгнул на большое дерево и стал смотреть в сторону города Бяньцзин.

Когда он прибыл в Тяньцзингуань, Гао Лю был встревожен, как муравей на горячем горшке. Линь Цинъюй и его группа, которые смогли переправиться через реку, не пришли. После этого паром на Желтой реке был закрыт. Он не стал ждать, пока другие переправятся первыми. Видя, что армия мобилизуется, люди на перевале Хулао явно собирались ко двору, а на пароме Желтой реки даже паром был затоплен, он переплыл Желтую реку.

Стоя на вершине дерева, кроме огней на стороне парома, все остальное было темным, и я не мог видеть ни Бяньцзина, ни другого движения.

Е Шии положил руку на грудь и стал возиться с серьгами. С той ночи он чувствовал сильные перепады ее настроения, но всякий раз, когда ее настроение менялось, что-то должно было произойти. В сентябре прошлого года он лежал в засаде в пустыне желтого цвета. Когда я был в Шали, я не только чувствовал ее волнение, но и ощущал боль. Когда я встретился с Мэн Су в ноябре, я знал, что тогда она получила судебный жезл, и вот сегодня от этого у него заболело сердце. Его душевная боль случилась дважды, и последствия второго раза все еще крутятся в его сердце.

Е Шиси закрыл глаза, прижал руку к сердцу, отпустил все чувства, ища направление знакомого дыхания.

Через полчаса он спрыгнул с большого дерева, и дымная тень понеслась в сторону темного места впереди.

Когда он проходил через пустыню между Сипу и Бяньцзином, среди шума Е Шии заметил одно слово.

Возвращаемся в Чэньчжоу, старшего князя нет в городе!

Бурная армия в пустыне подобна приливу, факелы и холодный свет клинков отражают друг друга, оставляя под лунным светом взволнованные тени. Его скорость достигла предела, оставляя дымчатый след в хаотичной армии, прямо на юг Прочь от гор.

Когда небо посветлело, весь шум остался позади, он летел сквозь густой лес, чувствуя стук сердца, который становился все ближе и ближе, сердцебиение Е Шиси было подобно барабану, когда он увидел Инцзю, приютившуюся под деревом. Когда Лин Цинъюй уснула, она наконец успокоилась.

нашел!

Он осторожно подошел к ним, и чем ближе он подходил, тем большее беспокойство испытывал. Хотя его боевое искусство сейчас выше, чем у Инцзю, он не должен был так близко подходить к Инцзю, не реагируя.

Стоя на коленях и глядя на улыбку на реалистичном лице Ин Цзю, Е Шии почувствовал боль в сердце, а затем повернулся и посмотрел на Лин Цинъюй.

Она прислонилась к плечу Ин Цзю, ее нахмуренные брови были наполнены глубокой печалью, колени были изношены, подошвы сапог тоже были искорежены, ладонь Ин Цзю все еще была в крови, а волосы разметались. Он был небрежно завязан за головой, а его одежда была покрыта грязью и царапинами.

Глаза Е Шии были кислыми, а сердце болело. Смерть Ин Цзю не заставит себя долго ждать, иначе как он сможет вынести боль за нее.

Но брат Девять, если ты знаешь, что даже если ты умрешь, она все равно будет нести твой труп. Она будет рада умереть снова, верно?

Аккуратно распрямив тело Лин Цинъюй, Е Шии поднял тело Ин Цзю на спину, связал его за спиной ремнем, а затем наклонился и поднял Лин Цинъюй.

Взошло утреннее солнце, заливая далекий горизонт великолепным утренним светом. Утреннее солнце окропило лес, создав разноцветный свет, который придал свежие и яркие краски свободно раскинувшемуся жасмину.

Ярко-красное утреннее солнце было похоже на пятна крови, отражаясь от величественных и величественных стен города Бяньцзин, даже с пятнами крови, оно приносило ослепительные цвета.

За ночь хозяин императорского города Бяньцзин сменился, четыре двери были плотно закрыты, ветер шумел. Я не знаю, сколько людей были в панике весь день, и сколько людей было тихо убито.

Но Е Ши было наплевать на все это. Он просто осторожно обнял человека, привязал труп за спиной покрепче, а затем пошел в сторону Сянъяна, повернувшись спиной к новорожденному рассвету.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2564391>